

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 821.161.1

“АНГЛИЯ – СТРАНА СВОБОД” И “МЯГКОСЕРДЕЧНАЯ РУСЬ” В СУДЬБЕ ДВУХ ГЕНИЕВ (ЛОРЕНС СТЕРН И НИКОЛАЙ ЛЕСКОВ)

Овчинникова И.В.

2022., к.филол.наук,

преподаватель английского языка

ГБПОУ ЯНАО «Ноябрьский колледж профессиональных
и информационных технологий» (г.Ноябрьск)

“ENGLAND IS THE COUNTRY OF FREEDOM” AND “SOFT-HEARTED RUSSIA” IN TWO GENIUSES’ DESTINY (LAURENCE STERNE AND NIKOLAY LESKOV)

I.V. Ovchinnikova

Светлой памяти Учителя и Руководителя,

доктора филологических наук, профессора Дыхановой Б.С.

(ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный педагогический университет»)

DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2022.5.95.1625

АННОТАЦИЯ

Автор анализирует путь в литературу двух гениев – Лоренса Стерна - английского писателя XVIII века, и Николая Лескова – русского писателя XIX века, которые имели много удивительных параллелей в личной и творческой судьбе. Лесков, восхищаясь творчеством Стерна, не заимствует художественные идеи английского классика, а эстетически “переплавляет” их в оригинальную авторскую систему, образная информативность которой в своей уникальности порождается интуицией творца.

ABSTRACT.

The author analyzes the literature way of two geniuses - Lawrence Stern, the English writer of the XVIII century, and Nikolay Leskov, the Russian writer of the XIX century, who had many amazing parallels in their personal and creative destiny. Leskov, admiring Sterne’s writing manner, does not borrow the artistic ideas of the English classic, but aesthetically "melts" them into the original author's system, the figurative informativeness of which in its uniqueness is generated by the intuition of the creator.

Ключевые слова: проза, творчество, Лоренс Стерн, Н.С.Лесков, литература, жизненный путь, гений.

Key words: prose, creativity, Lawrence Sterne, N.Leskov, literature, life way, genius.

Велико и неоспоримо в современной мировой литературе наследие двух выдающихся писателей: Лоренса Стерна - английского писателя XVIII века, основоположника сентиментального романа, “непревзойдённого мастера” поэтического слова (по словам В.Шкловского), и Николая Лескова – русского, глубоко национального писателя XIX века, “прозванного гения” [17], “пронзившего всю Русь” (по словам М.Горького). Именно два этих автора, на наш взгляд, прекрасно отразили в своих произведениях современную им эпоху, предвосхитив собственное время. Но путь их в литературу был долг и тернист.

Прослеживая межтекстовые связи творческого наследия “неукротимого ересиарха” Николая Лескова с Лоренсом Стерном, описанные в нашем диссертационном исследовании “Стернианские “отражения” и их функция в романе-хронике Н.С.Лескова “Соборяне”” (2013), мы находим много удивительных параллелей в личной и творческой жизни двух гениев. У каждого из них этот путь был уникален. Если говорить о хронологии жизни, то Лоренс Стерн стал писателем в сорок шесть лет, а Николай Лесков - в двадцать шесть.

Анализируя жизненный путь английского писателя, нужно отметить тот факт, что полной биографии о Лоренсе Стерне на русском языке не было до 2014 года, пока Ксения Атарова, известный учёный-стерновед, не издала свою книгу “Лоренс Стерн. Жизнь и творчество” [9], тем самым, восполнив пробел в жизнеописании знаменитого писателя, оказавшего сильнейшее влияние на мировую литературу XVIII-го столетия и последующих веков, вплоть до настоящего времени. Статьи о жизни и творчестве английского писателя издаются ежегодно на английском языке, в частности, и в научном журнале “The Shandean”, основанном в Нидерландах в 1989 году, название которого происходит от фамилии главного героя произведения “Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена”.

Биографом творческой судьбы Николая Семёновича Лескова становится его легендарный сын от второй гражданской жены писателя - Андрей Лесков (1866-1953), издавший в двух томах мемуары об отце под названием “Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памяткам” [6]. Непредсказуемым оказался путь этой рукописи. Андрею Николаевичу пришлось писать книгу об отце дважды, так как во время войны рукопись пропала в разгромленном

фашистами издательстве Ленинграда. Написанная повторно, книга обрела своего читателя только после смерти автора в 1954 году. Вторая, более точная биография Николая Лескова, появляется в серии “Жизнь замечательных людей” из-под пера российского учёного, писателя, литературоведа и критика Майи Кучерской в 2021 году. Издательство “Молодая гвардия” предлагает Майе Александровне обобщить жизненный и творческий путь писателя, о котором, по словам учёного, она тогда знала немного, но постепенно всё более и более открывала для себя “глубину божественной Вселенной Лескова”. Потребовалось двенадцать лет, чтобы по крупицам собрать новейшие данные и изложить в особой манере жизнеописание “прозёванного гения”. Майя Кучерская поясняет свой выбор так: “...я решила не снимать очевидного противоречия, не переключать в себе филолога на писателя и наоборот. В конце концов, мой герой тоже соединял в себе и писателя, и публициста, и исследователя; сложись его судьба иначе, он мог бы стать серьёзным учёным” [5:10].

Обратимся к личности Лоренса Стерна. Кто же он? Каков его жизненный путь? Как, будучи священником, он становится писателем в сорок шесть лет, отразив в самом известном своём произведении “Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена” все плюсы и минусы благопристойности эпохи Английского Просвещения?

Предки английского писателя были священниками. Говоря о фамилии рода писателя, происходящей от древнеанглийского слова ‘*Steapn*’ в переводе ‘скворец’, Ксения Атарова пишет, что “эта птица, увековеченная в “Сентиментальном путешествии”, издавна красовалась на фамильном гербе Стернов” [9:13].

Прадед Лоренса, Ричард Стерн, служил магистром в колледже, а также носил сан Архиепископа Йоркского, хотя отец писателя, Роджер, пребывал в чине прапорщика в британской армии.

Аналогичную параллель мы находим и в роду Лесковых.

Семья Николая Семёновича тоже происходила из духовного сословия, “из колокольных дворян”, как говорил сам о себе писатель. В книге Майи Кучерской “Прозёванный гений. Николай Лесков” приводится тот факт, что фамилия писателя происходит от названия села Лески, находящегося сейчас на территории Брянской области, хотя ранее село входило в состав Орловской губернии [5:25]. Ни одно поколение Лесковых служили священниками в этом селе, имея свой приход. Дмитрий Петрович, дед Николая Семёновича, почитался не только жителями своего села, но и населением окрестных сёл и деревень. Прихожане местной церкви очень уважали батюшку, “ценили за честность, скромность и прямоту”. Поэтому образ протопопа Савелия Туберозова в романе-хронике “Соборяне”, как утверждал сам писатель, “списан с родного деда” [5:26]. Отец будущего писателя, Семён Дмитриевич, отказался

продолжать семейные традиции и, по возвращении домой после учёбы в семинарии города Севска, радикально изменил свою жизнь, решив никогда не быть священником. Одним из переломных моментов такого решения стала гибель старшего брата Алексея в потасовке семинаристов. Николай Лесков упоминает об этом факте в “Соборянах” через рассказ Ахиллы Десницына об убийстве брата “Финогеши”.

Семён был изгнан отцом из дома, но, имея хорошее образование, не пропал. Он практикует учителем в домах дворян, затем поступает на службу заседателем Орловской палаты гражданского суда. В дальнейшем переводится в уголовную палату, став одним из лучших следователей в губернии. Будучи домашним учителем, Семён встречает свою будущую жену, обедневшую дворянку – Алферьеву Марию Петровну. На момент свадьбы, в 1830 году, жениху было тридцать девять лет, а невесте – семнадцать [5:17-18].

Возвращаясь к рождению английского писателя Лоренса Стерна 24 ноября 1713 года в Клонмене на юго-западе Ирландии, нужно отметить, что полк его отца – Роджера, в это время находился в Дюркерке (Франция). Одновременно с известием о рождении сына – Лоренса, Роджер получил приказ о расформировании воинской части в связи с заключением Утрехтского мира и, спустя шесть месяцев, семья вернулась в Йоркшир, на север Англии. Ксения Атарова замечает, что “быть может, отвращение, которое испытывает к нему (*Утрехтскому миру* – здесь и далее курсив И.О.) один из персонажей “Тристрама Шенди” старый вояка дядя Тоби, – отголосок этого злополучного для семейства Стернов события, рассказы о котором Лоренс мог слышать с детства” [9:15].

Чуть больше века проходит от рождения английского гения и на свет появляется русский гений – будущий писатель Николай Лесков. Он был первенцем у родителей – Семёна Дмитриевича и Марии Петровны, родившись 4 февраля 1831 года в доме своего деда, Петра Сергеевича Алферьева, проживающего в селе Горохово Орловской губернии. Маленький Николаша часто слышал воспоминания бабушки по материнской линии – Акилины Васильевны, об Отечественной войне 1812 года: не случайно эта тема затронута в романе-хронике “Соборяне” в лице помещицы Марфы Андреевны Плодомасовой. В 1832 году молодая семья переезжает в Орёл. Но недолго радовалась Мария Петровна городской жизни. Крутой нрав мужа, решившего оставить службу, не дослужившись до пенсии, резко изменил всю судьбу семейства Лесковых в январе 1839 года [5:25]. Семён Дмитриевич задумывает стать помещиком, купив землю в Кромском уезде Орловской губернии. Но первый “помещичий год” выдался для него неурожайным, о чём Николай Семёнович повествует потом в своём рассказе “Юдоль” (1892), описывая жуткие картины голода 1840 года. С этого момента начинается “медленный

финансовый крах семейства Лесковых” [5:24]. Необходимо отметить, что отец будущего писателя, Семён Дмитриевич, не смотря на отвращение к рясе священника, по-прежнему был христианином и передал сыну “почитание Христу, но не церковному обряду”. Вот как вспоминает об этом сам писатель: “Религиозность во мне была с детства, и притом довольно счастливая, то есть такая, какая рано начала мне мирить веру с рассудком” [5:30].

Детство же маленького Лоренса тоже было безрадостным. Вследствие постоянных разъездов по службе, его семья - отец с женой и детьми - часто меняли своё место жительства. “Мы вместе с полком перебрались в Дублин, где прожили в казармах. - В тот год, тысяча семьсот двадцать первый, я научился читать”, пишет Стерн [9:18]. По данным исследователя К. Атаровой, в полку служил лейтенант Лефевр, который, предположительно, и обучил грамоте маленького Лоренса. “Так что, возможно, патетическая история лейтенанта Лефевра и его сына, предполагаемого тьютора Тристрама Шенди, - имеет биографическую основу”, - отмечает учёный [9:18-19].

Невыносимые условия походной жизни заставили Роджера отвезти единственного, выжившего сына Лоренса к богатому брату Ричарду на его попечение. Это случилось в 1724 году. Стерн получает возможность обучения в гимназии вблизи Галифакса до 1731 года - года смерти отца. Примечателен тот факт в исследовании К. Атаровой, что в городе Галифакс расположена готическая церковь, в которой похоронен дедушка Лоренса - Саймон. Вероятно, Лоренс часто заходил сюда и видел у главного входа деревянную крашеную скульптуру бродяги с копилкой в руках, выполненную в человеческий рост. Надпись гласит “Не забывайте о бедных”, а под ней табличка “Старый Тристрам”. “Так что с детства злополучное имя “Тристрам”, увековеченное Стерном в романе, могло ассоциироваться в сознании писателя с нищетой и убожеством”, - подчёркивает его библиограф [9:19-20].

Отец Лоренса, Роджер, был убит на дуэли из-за нелепой ссоры в 1731 году близ Гибралтара, где был расположен его полк. Такие данные приводятся исследователем К. Атаровой [9:22], хотя по официальным данным он скончался от малярии на Ямайке [18]. Далее К. Атарова упоминает так же высказывание Стерна об отце и предполагает, что дядя Тоби очень на него похож: “Отец мой - маленький живой человек, на редкость неутомимый во всякого рода физических упражнениях - терпеливо переносивший тяготы и невзгоды, которые Богу было угодно опустить ему полную меру. - Он был немного вспыльчив и поспешен в действиях, но сердцем добрый и кроткий, чуждый всяких дурных намерений и настолько невинный в своих помыслах, что никого и ни в чем не подозревал. Таким образом, вы могли

обмануть его десять раз на день, если девяти раз вам было недостаточно для ваших целей” [9:22-23].

На попечении дяди Лоренс находился недолго, так как сам дядя - Ричард умирает в октябре 1732 года. С помощью своего кузена, старшего сына дяди, Лоренс в июле 1733 года, в возрасте двадцати лет, поступает в колледж Иисуса в Кэмбридже. Здесь же он вскоре знакомится с Джоном Холлом, богатым молодым человеком, беззаботным, остроумным и щедрым, любящим бросать вызов английской чопорности и лицемерию, и, в этом качестве, похожим на пушкинского Онегина, “родившегося” столетие спустя. Именно Холл становится неизменным приятелем и покровителем Лоренса Стерна, за что писатель “обессмертил” своего друга в образе рассудительного Евгения, появившегося в “Тристраме Шенди” и “Сентиментальном путешествии” [9:43]. Данным литературным персонажем писатель постоянно предостерегает пастора Йорика о неприятии назидательно-нравоучительной манеры общения с людьми: “Поверь мне, дорогой Йорик, эта беспечная шутовость рано или поздно вовлечёт тебя в такие затруднения и неприятности, что никакое запоздалое благоразумие тебе потом не поможет. - Эти выходки, видишь ли, часто приводят к тому, что человек осмеянный считает себя человеком оскорблённым, со всеми правами, из такого положения для него вытекающими...” [2,1, XII, 45]. Такие слова, адресованные своему герою, мог сказать, на наш взгляд, только человек, переживший подобные жизненные ситуации, что, скорее всего, имеет отношение к молодости Стерна, к периоду его служения пастором.

Детство Николая Лескова прошло в основном, в селе Панино, хотя он изредка выезжал и в соседние поселения. Так в местечке “Зиновьево”, как утверждал позже писатель, он “пристрастился к чтению, благодаря двум здешним младшим барышням <...>, начитанным и даровитым”. “Им я обязан первым знакомством с литературой, которая потом для несчастья моей жизни скоро обратилась в неодолимую страсть” [5:32]. Местная знать не особо почитала отца будущего литературного гения, потому и его сыну, начинающему любителю словесности, приходилось вести затворнический образ жизни, занимаясь чтением книг и переводами с латинского и греческого языков.

Не окончив и третьего класса Орловской гимназии, Николай Лесков в 1846 году покидает её. Как утверждает литературовед Майя Александровна, ему предстояло немало “унижений, объяснений - мучительных, до конца жизни” [5:35]. В июне 1847 года Николай, следуя советам отца, поступает на службу в Орловскую палату уголовного суда. А вскоре, в 1848 году, Семён Дмитриевич скоропостижно скончался: считается, что от холеры [5:32], оставив сыну прощальное письмо с заповедями, датированное 1836 годом.

Осиротев в шестнадцать лет, будущий писатель отправляется в Киев к знаменитому дяде

по материнской линии – профессору и учёному Киевского университета, Сергею Петровичу Алферьеву, лучшему терапевту города. В доме дяди бывали известные люди того времени, оказавшие огромное влияние на молодого Лескова. Сам Киев с его древними соборами, красивыми улицами и книжными лавками навсегда оставил след в творчестве писателя [5:42]. Общественное движение того времени было проникнуто ожиданием реформ. Дмитрий Петрович Журавский, друживший с Николаем, издаёт трёхтомный труд “Статистика Киевской губернии” (1852), в котором описывает участь крепостных крестьян и предлагает проект их постепенного освобождения. Сам Дмитрий Петрович до знаменитой реформы Александра-Освободителя не дожил, умерев в 1856 году. Именно благодаря Лескову идеи Журавского были перенесены в творчество писателя, но “опубликовать письма Журавского, обращённые к нему и посвящённые преобразованиям, Николай Семёнович так и не смог, несмотря на все старания”, – подчёркивает Майя Кучерская [5:47].

В 1850 году Николай Семёнович получает в Киеве должность помощника начальника по рекрутскому столу ревизского отделения [5:48]. К своим обязанностям молодой делопроизводитель относится ответственно и через два года получает повышение по службе. Тяжело ему было видеть несправедливость рекрутского набора, когда приглашались мальчики десяти-двенадцати лет, но, по “липовым” бумагам, достигшие призывного возраста. Сохранился документ, подписанный Лесковым, который свидетельствует о “злоупотреблении Белоцерковского еврейского общества от 3 декабря 1854 года” [5:51]. По исследованиям Майи Кучерской, годы службы Николая Семёновича в рекрутском присутствии совпали с событиями Крымской войны, временем неудач для российской армии (там же). От родственников он знал, как обстоят дела на войне: нехватка лазаретов, казнокрадство, воровство и унижения в армии. Майя Кучерская приводит данные о том, что “одна из первых публицистических заметок писателя была посвящена взяточничеству врачей, состоящих при рекрутских присутствиях; там же он коснётся и незаконного зачисления в кантонисты еврейских мальчиков, не достигших двенадцатилетнего возраста. Крымскому воровству автор посвятит и рассказ “Бесстыдник”, но о своей службе в присутствии напишет лишь однажды – и, видимо, не случайно это будет история с хорошим концом” [5:52].

Именно Киев своей насыщенной жизнью оказывает огромное влияние на становление личности молодого Лескова: здесь и встречи с прогрессивными людьми своей эпохи, посещение лекций в университете, увлечение иконописью, участие в религиозно-философском студенческом кружке. Находясь на службе, ему приходилось общаться и с сектантами, и с паломниками, и со старообрядцами [16]. Естественно, что все это

многообразие деятельности способствует формированию таланта и раскрытию писательского дара Николая Семёновича Лескова.

Возвращаясь к английскому просветителю Лоренсу Стерну, мы видим, что в 1736 году он становится священником, а в 1738 году, при содействии дяди, Джекса Стерна, Лоренс получает приход в Саттон-он-де-Форест (Sutton-on-the-Forest), где проживёт более двадцати лет. Рассказывая в автобиографии об этом периоде своей жизни, он говорит: “Книги, живопись, игра на скрипке и охота были моими развлечениями” [9:34]. Хотя на самом деле, женившись на Элизабет Ламли в 1741 году, дочери священника из родовитой, но небогатой семьи, вёл своё хозяйство и был добросовестным пастором. Ксения Атарова приводит такой факт, что архиепископ Херринг в 1743 году отмечает священника Стерна за подробный доклад о своём приходе, в котором он указал на пять семей квакеров, ходивших по воскресеньям в свой молельный дом и одну женщину, которую ему удалось обратить из секты [9:34].

Неудачи в рождении детей у четы Стернов отразились в “Тристраме Шенди”. Не случайно эта тема – «зачатие, роды, крестины и детская смертность» – беспокоила писателя [9:51]. Наконец, в 1747 году и в его семье рождается дочь Лидия.

А что же мы знаем о личной, семейной жизни Лескова? О последствиях своего скоропалительного решения жениться в двадцать три года он сожалел всю жизнь. Как видим, Николай нарушил заповедь отца, который завещал старшему сыну жениться в возрасте от двадцати пяти до тридцати пяти лет [5:55]. Первая жена писателя – Ольга Васильевна Смирнова – купеческая дочь, которой было девятнадцать лет на момент бракосочетания, страдала психиатрическим заболеванием, о чём он не знал. О первой жене писателя практически ничего неизвестно даже Андрею Лескову, главному биографу отца. Венчание Николая и Ольги состоялось в апреле 1853 года. В 1854 году у пары рождается сын Дмитрий, названный в честь деда по отцовской линии. Но вскоре младенец умирает на постоялом дворе после отъезда из села Панино, куда молодая чета ездила в гости (из воспоминаний Андрея Лескова) [6:154]. Проходит полтора года и в 1856 году у супругов рождается второй ребёнок – дочь Вера.

Как мы видим, тема деторождения и детской смертности волновала Николая Лескова так же, как и его английского предшественника, истоки которой объясняются, прежде всего, идентичностью семейных обстоятельств двух авторов. Волнующие Николая Лескова проблемы были отражены и в его творчестве: в незаконченном рассказе “Явление духа”, опубликованном в журнале “Кругозор” в 1878 году [7]. В его известном романе-хронике “Соборяне” читатель так же видит, как неудачи в сохранении беременности постоянно преследуют семью протопопа Савелия Туберозова. Отражение

подобных проблем мы уже ранее подчёркивали и в творчестве Стерна.

Два совершенно независимых друг от друга художника ни по эпохам, ни по литературным направлениям, развивались как две самостоятельные Вселенные, никогда не пересекаясь ни в жизни, ни в творчестве. Но вместе с тем, мы постоянно чувствуем созвучие этих писателей и в жизненных ситуациях, и в их мировоззрении, в тематике произведений.

Обратимся снова к жизненному пути Стерна... Он же, вырываясь из оков своей пасторской и семейной жизни, постоянно проводил время со своим университетским приятелем, Джоном Холлом-Стивенсоном в его замке Скелтон, расположенном на севере Йоркшира, по чудачеству переименованным в “Замок безумцев”.

В отличие от богатого хозяина и его друзей Стерну приходилось усердно работать, чтобы прокормить свою семью, а в дальнейшем на его плечи падёт содержание матери и сестры. Следует отметить, что он тщательно готовился к проповедям, цитировал не только Отцов-богословов, но и философов, правителей Древнего Рима. Его проповеди имели большой успех. После успешного издания своего произведения о Тристраме Шенди, Лоренс подготовил к печати два тома проповедей. М.В. Строганова, исследователь данного жанра в творчестве английских писателей XVIII века, подробно анализируя рефлексию Стерна на собственные проповеди и проповеди героя, пастора Йорика, приходит к выводу, что “Стерн воспринимает свои проповеди скорее как литературные, чем, как религиозные сочинения, во всем, что касается авторства и новизны”. <...> “Юмор и чувствительность”, – продолжает исследователь, – “две важнейшие составляющие литературной манеры Стерна, неразрывно связанные и постоянно переходящие друг в друга. Эти качества отличают и риторику его проповедей” [10:134-135]. Например, одна из его проповедей “О злоупотреблениях совести” вложена в уста персонажа романа – пастора Йорика, носящего имя шекспировского шута. И если далее углубляться в текст данного произведения и характеристику героя, мы увидим, что самому себе казавшийся смешным пастор Йорик, по собственному признанию этого персонажа, “не может сердиться на других за то, что они видят его в том же свете, в каком он с такой непререкаемостью видит себя сам; вот почему, когда его друзья, знавшие, что любовь к деньгам не является его слабостью, без всякого стеснения потешались над его чудачеством, он предпочитал <...> хохотать вместе с ними над собой” [2,1,X,36].

Продолжая исследование творческого самовыражения двух авторов разных эпох, мы отмечаем не только то, что их сближает, но, прежде всего, разнообразие и индивидуализацию в подходе к литературным персонажам и описанию их характеров. Так, например, в отличие от иронического отношения к себе и происходящему, английский пастор Йорик является полной

противоположностью лесковскому главному герою романа-хроники “Соборяне”. Жизнь протоирея Савелия Губерозова, по словам исследователей Н.А.Каргополова и Н.Е. Меднис, выглядит, как “сплошная цепь искушений и страданий, готовящая протопопа к свершению его главного подвига – страстной проповеди-обличения [4:140]. Размышления о себе и о сути христианской любви к ближнему, присущие глубине и трагизму русской души, протопоп записывает в свои “нотатки”, наблюдая за посадкой зёрен Пизонским: “Старый Пизонский был счастлив и громко запел: “Аллилуйя!” - “Аллилуйя, Боже мой!” – запел и я себе от восторга и умиленно заплакал. В этих целебных слезах я облегчил мои досаждения и понял, сколь глупа была скорбь моя, и долго после дивился, как дивно врачует природа недуги души человеческой! Умножь и возрасти, Боже, благая на земли на всякую долю: на хотящего, просящего, на производящего и неблагодарного... Я никогда не встречал такой молитвы в печатной книге. <...> Боже мой! Этот старик сажал на долю вора и за него молился! Это, может быть, гражданскою критикой не очищается, но это ужасно трогает. О, моя мягкосердечная Русь, как ты прекрасна!” [1,5,16-17]

Продолжая анализировать жизненный путь Николая Лескова, мы узнаём, что в возрасте двадцати шести лет он, тяготясь своей жизнью в супружестве, получает приглашение в 1857 году от мужа своей тётки по матери, Александра Яковлевича Шкотта, работать в его компании “Шкотт и Вилькенс”. Штаб-квартира компании располагалась в селе Райском Пензенской губернии. Лескову, видевшему на прежних местах службы много несправедливости и безнаказанности со стороны государственных служащих, работа по переселению крепостных на новые земли заставила, по словам Майи Кучерской, “испытать потрясение такой силы, что оно не зажило и в зрелые годы” [5:61].

В то же время, Николай Семёнович считает период работы у Шкотта самым лучшим временем в его жизни, добавляя, что ему “не приходилось пробиваться сквозь книги и готовые понятия к народу и его быту” [5:61], он всё изучал на месте. Майя Кучерская обращается к высказыванию писателя: “Книги были добрыми мне помощниками, но коренником был я. По этой причине я не пристал ни к одной школе, потому что учился не в школе, а на барках у Шкотта”. Исследователь добавляет: “Барки Шкотта” действительно заменили ему (Лескову) системное образование, стали основным источником знаний о России, о коммерции и экономике, о русских людях. <...> “Барки Шкотта” сформировали Лескова как писателя” [5:63]. В книге сына писателя, Андрея Лескова, присутствует интересная “Записка о себе самом” - краткая автобиографическая справка, написанная самим писателем секретарю журнала “Живописное обозрение” В.Г. Швецову в 1890 году о своём пути в литературу: “Писательство началось случайно. В

него увлекли его сначала профессор Киевского университета доктор Вальтер, убедивший Лескова написать фельетон для “Современной медицины”, а решительное закабаление Лескова в литературу произвели опять тот же Громека и Дудышкин с А.А.Краевским. С тех пор все и пишем” [6:49].

Здесь же, в Пензенской губернии, Николай Лесков впервые взялся за перо, написав “Очерки винокуренной промышленности (Пензенская губерния)”, когда в 1859 году по Пензенской губернии, как и по всей России, прокатилась волна “питейных бунтов” [16]. Очерки были опубликованы в “Отечественных записках” в 1861 году под псевдонимом “М. Стебницкий”.

Николай Семёнович в тот период наездами бывал дома, а потому частые ссоры и упрёки он смог терпеть в течение восьми лет, пока не наступил переломный момент - окончательно расстаться с женой. Как пишет Майя Кучерская: “Расхождения супругов во взглядах, очевидно, начали обостряться после первых шагов Лескова в литературе. Его идеалы, его цели сделались более определенными, ему хотелось расти и развиваться на новом поприще, Ольга Васильевна вряд ли могла это оценить: замуж она выходила за молодого чиновника, оказалось – за литератора, журналиста” [5:57]. Впоследствии, первая жена писателя проведёт последние тридцать лет из “отмеренных ей восьмидесяти” в петербургской психиатрической больнице Святого Николая на Пряжке (там же).

После службы у “дядюшки” Шкотта, не сумев найти место в других коммерческих предприятиях, Лесков поступает на государственную службу в канцелярию генерал-губернатора Иллариона Илларионовича Васильчикова, а затем переходит работать следователем по криминальным делам [5:71]. В этой должности ему приходится столкнуться с коррупцией полицейских врачей, которых на взятки толкает “нищенское официальное содержание” [5:72]. Николай Семёнович публикует свой отчёт в журнале “Современная медицина”, за что его отстраняют от расследования дел. Оставаться в Киеве для него было уже невозможно, и он предпринял решение уехать в Санкт-Петербург в декабре 1861 года, посвятив себя журналистике.

Разочарованность в семейной жизни двух писателей, не нашедших поддержки, любви и взаимопонимания в семье, отражается в их творчестве. Не случайно у писателей в дальнейшем появляются возлюбленные. Возлюбленная Стерна - Элизабет Дрейпер, вела переписку с ним, начиная с 1767 года и до самой смерти писателя. Вторая гражданская жена Лескова - Екатерина Бубнова, родившая писателю сына Андрея, ставшего биографом своего отца, не смогла ужиться с гением, долго терпя его своенравный характер.

Ещё одна страница в биографии Стерна близка Николаю Лескову. Под влиянием своего богатого дяди - Джекса Стерна, Лоренс поддерживал вигское правительство Уолпола, так называемой “министерской” партии [9:48], сочиняя статьи в

поддержку вигов в газете “Йоркский газетчик”, что и сподвигло его вскоре встать на путь писателя. Но Стерн, так же, как и Лесков, вовремя понимает, что политические игры не принесут ничего хорошего. Он пишет своим оппонентам в газету “Йоркский Курант” извинительное письмо, в котором искренне сожалеет об оскорбительных газетных публикациях во время предвыборной компании и передаёт поздравления мистеру Фоксу в связи с победой на выборах в парламент страны [9:53].

Вскоре Стерн отходит от политики, оставаясь верным своим идеалам, так же, как и Лесков к моменту написания романа “Некуда” (1864) перестал разделять взгляды русских революционеров [5:80]. Павел Исаакович Калецкий - известный советский литературный критик, кандидат филологических наук, исследователь русского фольклора, трагически погибший в Блокаду Ленинграда, анализируя творчество Николая Лескова, подчеркивал, что “идеи революции и радикального переустройства социального строя Лесков противопоставлял идею личного совершенствования, развития культурных навыков в народе, проповедь “малых дел”, “нравственного манчестерства”” [15].

В связи с решением Лоренса – “уйти из политики” - его дядя не только прекращает всякое общение с племянником, но и старается всячески ему навредить финансово, обнадёжив мать и сестру Стерна, которые проживали в Ирландии, что Лоренс женился на богатой женщине, и теперь они могут приехать к нему и проживать совместно.

Аналогичную параллель со Стерном мы находим у Лескова, когда родственные связи и поддержка уже не могут помочь писателю, ставшему на путь журналиста. За год до его переезда в Санкт-Петербург, в Киеве происходит неприятная история с продажей Евангелия. Объявленная заранее цена на книгу составляла 20 копеек, а в Киеве Николаю продают Евангелие, переведённое на русский язык, за 60 копеек, грубо ответив: “Не берите; и по этой цене уже все почти разобраны, а ещё никто не спорил” [5:67]. Статья вышла 21 июня 1860 года с подписью “Н.Лесков” в “Санкт-Петербургских ведомостях” под названием “Корреспонденция”, а потом была перепечатана журналом “Книжный вестник”. Майя Кучерская подчёркивает, что эта статья считалась “первым лесковским выступлением в печати” [5:67-68].

Возвращаясь ко времени написания главного произведения Стерна, необходимо отметить, что слабое здоровье дочери Лидии, финансовые затруднения и умопомешательство жены заставили Лоренса переехать в город Йорк в 1759 году. Как отмечает К. Атарова: “Но и у самого Стерна со здоровьем были проблемы. С юности он страдал чахоткой” [9:59]. Помощь пришла от старого приятеля по Кэмбриджу - Джона Фаунтейна, назначенного деканом Йоркского собора. Именно Джон побудил Лоренса вновь взяться за перо, написав “серьёзный политический описательно-сатирический памфлет “Политический роман” [9:60]. В данном романе ярко проявляется талант

Стерна-юмориста. Но друзья убедили Лоренса не придавать огласке скандальную историю, и роман пришлось уничтожить.

Потерпев крах в публикации первого своего произведения, Стерн с огромным рвением принялся за создание своего гениального творения “Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена”, направив черновой вариант первого тома романа вместе с сопроводительным письмом известному лондонскому издателю Роберту Додсли. Лоренс Стерн указывает на “весьма значительные” задачи, которые он поставил перед собой при написании данного произведения. В подтверждение вышесказанного - размышления Ксении Атаровой: “<...> и касаются они не только слабости наук, в чём и состоит главная мишень для насмешки, но и всего прочего, представляющегося <...> достойным осмеяния” [9:64].

И вот путь в высшее Лондонское общество был открыт для Стерна, у которого даже не было денег на поездку в Лондон. Но его мечты о гонораре превзошли все ожидания. Видя, как бойко покупают первые два тома произведения Лоренса, издатель Додсли в пять раз повысил гонорар автора.

В сравнении с литературной судьбой Николая Семёновича Лескова, в которой не всегда всё складывалось удачно, “Стерн почувствовал себя счастливейшим и богатейшим из смертных” [9:77]. “О, Англия! Англия! Страна свобод, страна здравого смысла, нежнейшая из материй – и заботливейшая из нянек...” – восклицает он устами своего главного героя Тристрама Шенди, характеризуя свою страну в эпоху Рационализма [2,7,XXXIV,486]. Хотя безоговорочно почтительное отношение соотечественников к Стерну и его творчеству сформируется лишь через полтора века после его смерти, почти так же, как и к русскому писателю - Николаю Лескову.

А пока Лоренс находится на вершине славы, опубликовав своё самое главное произведение “Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена”, работа над которым продолжалась с 1759 по 1767 годы, но так и осталась незаконченной. Из комментариев филолога Адриана Франковского мы узнаём, что “роман публиковался Стерном анонимно на протяжении восьми лет” [2:783]. Николай Лесков так же в определённый период своего творчества (с 1862 года) публиковал свои произведения под псевдонимом “М. Стебницкий”.

Встреча в Санкт-Петербурге Николая Лескова с Иваном Васильевичем Вернадским – известным учёным, педагогом, статистом, экономистом, основателем еженедельного журнала “Экономический указатель” (издававшегося с 1857 года по 1861) была в какой-то степени судьбоносной для начинающего писателя. Иван Вернадский “знает Лескова, вероятно, по встрече в столице осенью 1859 года, когда он ещё служил у дяди Шкотта” [5:78]. Николай Семёнович так описывает свою деятельность на тот момент:

“Время нас делало литераторами, а не наши знания и дарования” [5:76], подчёркивая тот факт, что именно при Александре II в стране открылось более пятидесяти новых печатных изданий.

Но в отличие от первого триумфа публикации Стерновского романа “Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена”, литературная слава к Лескову так и не пришла при жизни. Изменила его творческую судьбу злополучная статья о пожарах, опубликованная в газете “Северная пчела” 30 мая 1862 года, сделав его с этого момента опальным журналистом. В этой статье писатель легализовал слухи о том, что поджоги совершают студенты, и потребовал от властей их подтвердить или опровергнуть. Статья вышла без подписи, но вскоре авторство было определено. Император Александр II издал резолюцию: “Не следовало пропускать, тем более что это ложь” [15]. За этот проступок редакция “Северной пчелы” отправила неудавшегося журналиста в длительную командировку.

К сожалению, следующие произведения Николая Лескова особенного успеха у русского читателя не имели: среди них, публикация первого романа “Некуда” (1864), которая не только не добавила славы его создателю, но и заподозрила его в связях с “третьим отделением полиции”. Ко всему прочему, добавилась и многолетняя травля писателя, длившаяся практически всю жизнь. Материальное положение Лескова было поправлено изданием в 1889 -1890 годах десятитомного собрания его сочинений. Издание было быстро распродано и принесло писателю значительный гонорар. Именно с этим успехом был связан и первый сердечный приступ писателя, причиной которого стало известие о том, что шестой том его произведений, содержащий рассказы и повести на церковную тему, задержан цензурой [15].

Если говорить о значимости творчества Стерна, то, безусловно, в своём основном детище – романе “Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена” Лоренс запечатлел все житейские коллизии своего времени: эпохи Просвещения и эпохи Рационализма - в оригинальной юмористической манере. Здесь мы находим отсылки к научным трудам учёных и правителей Древнего Рима и Древней Греции (Эпиктет, Марк Туллий Цицерон, Аристотель, Сократ, Демокрит, Платон, Ксенократ, Ксенофонт); к произведениям философов, писателей и поэтов, оказавших огромное влияние на становление творчества самого писателя (Шекспир, Сервантес, Фрэнсис Бэкон, Джон Локк, Джеймс Дрейк) к трактатам учёных, философов и сокровищнице писательской мысли эпохи Просвещения (Генри Филдинг, Тобайас Смоллет, Дэвид Юм, Сэмюэл Джонсон), к историческим событиям (битва за Кале, осада Лимерика, осада Намюра, Утрехтский мир).

Стерн, как писатель, на наш взгляд, владел своеобразным литературоведческим приёмом: “зигзагообразным повествованием”. Автором этого термина является американский филолог Пэт

Роджерс [14]. Именно эта особая манера повествования писателя, с позиции Пэта Роджерса, позволяла Стерну временно отвлекаться от основной сюжетной линии и обращаться к лирическим отступлениям, беседам с читателями, используя разнообразие типографских средств (пустые и чёрные страницы, избыток тире и звёздочек), придавая тем самым двусмысленность написанному.

Автор статьи “Лоренс Стерн и британский ассоцианизм XVIII века” А.В.Хитров поясняет, что “интерпретации Стерна через традицию “учёного остроумия” Рабле, Сервантеса, Монтеня и Свифта с их пародийностью, сатирическими интонациями, игрой с языком и инверсией ценностей уравниваются не менее убедительными концептуализациями творчества Стерна в категориях “модернизма” и “постмодернизма”. Эксцентричность Стерновой техники часто описывается при помощи понятия “роман потока сознания”, с неизбежными отсылками к Дж.Джойсу, М.Прусту, В.Вульфу и другим представителям этой модернистской традиции” [11:132].

Виктор Шкловский, анализируя писательское мастерство Стерна, называет его “крайним революционером формы”: “Разница между романом Стерна и романом обычного типа точно такая же, как между обыкновенным стихотворением со звуковой инструментровкой и стихотворением футуриста, написанном на заумном языке” [12:803]. Иллюстрируя общие законы стерновского сюжета, Шкловский отмечает, прежде всего, создаваемую Стерном иллюзию хаотичности повествования, когда “действие все время прерывается, автор постоянно возвращается назад или делает прыжок вперед, в основную новеллу, которую к тому же не сразу найдёшь, всё время вторгаются десятки страниц, полные причудливых рассуждений о влиянии носа или имени на характер персонажа, или разговоры о фортификации” [12:805].

Другой исследователь писательской манеры Лоренса Стерна С. Бассити в статье “Подмигивающая неопределённость в “Тристраме Шенди”” рассуждает о том, что, “возведя на престол неуверенность и двусмысленность, Стерн развенчал уверенность”, а значит, и её власть. Бассити считает, что тем самым, автор перевернул вверх ногами серьёзную веру восемнадцатого столетия в рационалистическое знание. [13:1].

В 1872 году опальный писатель Николай Лесков, издавший к тому времени наиболее известные свои произведения “Житие одной бабы” (1863), “Леди Макбет Мценского уезда” (1864), “Воительница” (1866), публикует единственное в русской литературе XIX века произведение о жизни священнослужителей – роман-хронику “Соборяне”, которое имело значительный успех. Именно в этих произведениях Лескова проявляется талант, неподражаемый сказ, искромётный юмор, поставившие его в один ряд со знаменитыми русскими писателями XIX века. “Всю жизнь

Лесков напряженно искал, что можно этому противопоставить, на что опереться, а набредал всё на одно: золотое иконописное небо, вечность, красота кроткой и умной души и сокровищницы родного языка. Лесков и в самом деле очень верил в очеловечивающую силу христианства”, - так описывает жизненный путь писателя Майя Кучерская [5:7]. Работая над “Соборянами” в течение шести лет с 1866 года по 1872 год, Лесков публикует части романа, как отдельные произведения: “Чающие движение воды. Романическая хроника” (1867), повесть “Котин Доилец и Платонида” (1867), “Божедомы” (Лесков написал в 1868 году, но опубликовать не смог), “Старые годы в селе Плодомасове” (1869).

Лесковская хроника “Соборяне”, длиною в жизнеописание её героев, и жизнь английского чудака Тристрама, которому в последнем девятом томе романа исполняется только пять лет, сюжетно не совпадают. Однако стиль Стерна, несомненно, послужил выработке писательской техники Лескова, обогатившего художественные достижения далекого предшественника своими эстетическими открытиями, не противоречащими в то же время глобальности стернианских идей. Недаром автор “Соборян” испытывает пристальный интерес к “английскому пастору”, отразившийся в прямых ссылках на сочинения Стерна и манеру его письма. В своей статье “Николай Гаврилович Чернышевский в его романе “Что делать?”” и в письме, адресованном издателю “Северной пчелы”, Лесков упоминает Стерна рядом со Свифтом против “умопомрачительной статьи г. Соловьева, где за серез рассказывается, что в литературе англичан почти не было цинизма, когда в той же литературе есть Свифт, Стерн или что в нашей литературе не было романтизма, потому что мы православного вероисповедания” [8,X,53].

В письме к Алексею Суворину от 24 декабря 1875 года Николай Лесков, с похвалой отзываясь об отдельном издании суворинских публикаций “Очерки и картинки: Собрание рассказов, фельетонов и заметок”, так характеризует свою эпоху: “...Силы Ваши, по-видимому, все в сборе: мысль о “досках”, что купил гробовщик, мне очень понравилась, она напомнила мне одну превосходную речь пастора Стерна (автора Тристрама). К этому размышлению всегда полезно склонять внимание людей, особенно в эпоху, подобно той, какую мы переживаем, - эпоху пошлой скуки, умаляющей цену жизни и делающей людей, к “добру и злу постыдно равнодушных” [8,X,436].

“Следы” повествовательной манеры Стерна обнаруживаются так же и в других шедеврах “русского волшебника слова”: в “Очарованном страннике” с его графограммами, в “Заячем ремизе” с его “зигзагами” и “рикошетами”, в “Полунощниках” с их системой метатекстовых параллелей. Но в “Соборянах” эти следы видятся отчетливее всего, поскольку предстают во множестве речевых отражений и “обратных”

проекций. Например, в “Демикотоновой книге Савелия Губерозова” лесковский герой - протопоп Губерозов - упоминает об остроумнейшей книжечке английского пастора и о русском “шандиизме”: “Припоминаю невольно давно читанную мною старую книжечку английского писателя, остроумнейшего пастора Стерна, под заглавием “Жизнь и мнения Тристрама Шанди”, и заключаю, что по окончании у нас сего патентованного нигилизма ныне начинается шандиизм, ибо и то и другое не есть учение, а есть особое умственное состояние, которое, по Стернову определению, “растворяет сердце и легкие и вертит очень быстро многосложное колесо жизни”. И что меня еще более убеждает в том, что Русь вступила в фазу шандиизма, так это то, что сей Шанди говорил: “Если бы мне, как Санхе-Пансе, дали выбирать для себя государство, то я выбрал бы себе не коммерческое и не богатое, а такое, в котором бы непрестанно как в шутку, так и всерьез смеялись”. Ей-право опасаясь; не нас ли, убогеньких, разумел сей штуковатый Панса, ибо все это как раз к нам подходящее, и не богаты, и не тороваты, а уж куда как гораздо смешливы!” [1, V, 40]

Опыт применения стернианской повествовательной техники также оказывается эстетически продуктивным в “Соборьях”, хотя отношения с читателем хроники больше напоминают традиционные обращения, опирающиеся на условность этого приема. Читатель Лескова тоже включается в неопределенное множество, маркированное местоимением “мы”, объединяющим с повествователем: “Очутаясь между протопопом Савелием и его прошлым, станем тихо и почтительно слушать тихий шепот его старческих уст, раздающийся в глухой тиши полуночи”. Или: “Теперь волей-неволей повинуюсь неодолимым обстоятельствам, встречаемых на пути нашей хроники, мы должны оставить на время и старгородского протопопа, и предводителя и познакомиться совершенно с другими лицами того же города. Мы должны вступить в дом акцизного чиновника Бизюкина, куда сегодня прибыли давно жданные в город петербургские гости: старый университетский товарищ акцизника Борноволоков, ныне довольно видный петербургский чиновник, развезжающий с целью что-то ревизовать и что-то вводить, и его секретарь Термосесов, тоже некогда знакомец и одноклассник Бизюкина. Мы входим сюда именно в тот предобеденный час, когда пред этим домом остановилась почтовая тройка, доставившая в Старгород столичных гостей...”

Автор “Соборьян” не прибегает к эротическим ассоциациям, характерным для стернианского повествования, лишь крайне редко позволяя себе некоторые эвфемизмы, рассчитанные на догадливость читателя, вроде риторического вопроса: “Где-то ты теперь, бедный акцизник, и не чешется ли у тебя лоб, как у молодого козлика, у которого пробиваются рога?” Столь же единично

упоминание Ахиллы о театральных петербургских впечатлениях: “Остальная же игра вся поэтическому с открытостью до самых пор, и вдовому или одинокому человеку это видеть неспокойно”.

У Стерна Лесков заимствует главное – ассоциативный метод повествования, когда авторская идеология постигается через стиль рассказчика: многочисленные отклонения от прямой сюжетной линии, осуществляя “разговорное взаимодействие” с читателем, тоже предписывают читателю “Соборьян” чтение, как бы не нуждающееся в рациональном интерпретировании, поскольку повествователь видит происходящее и слышит персонажей непосредственно “вместе” с читателем.

Известный лесковед, доктор филологических наук, профессор и педагог Воронежского государственного педагогического университета Берта Сергеевна Дыханова посвятила много лет исследованию творчества национального гения – Николая Семёновича Лескова. Берта Сергеевна издала около 100 научных публикаций, в том числе монографий: “Запечатленный ангел” и “Очарованный странник” Н.С. Лескова” (Москва, 1982), “В зеркалах устного слова” (Воронеж, 1995), а также предисловий к изданным в Москве сборникам избранных произведений Н.С. Лескова (1981, 1986, 1988), “В зазеркалье волшебника слова (поэтика “отражений” Н.С.Лескова) (Воронеж, 2013).

Как пишет Берта Сергеевна: “Вопреки магистральной линии литературы XIX века с её рефлектирующим, критически настроенным по отношению к социуму героем-идеологом, Лесков-художник чужд доктринёрству. В его художественной системе слово – не столько орудие мысли, как особая многомерная эстетическая субстанция. Как бы соответствуя космогонической идее Евангелия (“В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины”), лесковское слово способно материализовать умозрительное и воплотить истину во всей её полноте. Именно поэтому писательский опыт “прозёванного гения” предвосхитил грядущие научные открытия...” [3:6-7].

Таков долгий и тернистый путь в литературу двух гениев – Лоренса Стерна и Николая Лескова. Русский писатель в течение всей жизни восхищался сатирой “английского пастора Стерна”. Именно созданный Стерном “роман мнений” подсказал Лескову-художнику изобразить национальную ментальность русского народа в своих произведениях, отказавшись от традиций романа XIX века.

Список использованной литературы и других информационных источников

I. Художественный текст:

1. Лесков, Н.С. Собрание сочинений: в 11 тт. / Н.С. Лесков. – М., ГИХЛ, 1956–1958. Т.4 Роман-хроника “Соборьян” - с.5-320.

2. Стерн, Л. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена. Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. Письма: СБ.: Перевод с английского и примечания А.А. Франковского/ Л.Стерн. - М.: НФ «Пушкинская библиотека», ООО «Издательство АСТ», 2004. - 835, [5]с. - (Золотой фонд мировой классики).

II. Научная литература по творчеству Н.С. Лескова:

3. Дыханова, Б.С. В зазеркалье волшебника слова: поэтика “отражений” Н.С.Лескова: монография/ Б.С. Дыханова. - Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 2013. - 204с.

4. Каргополов, Н.А., Меднис, Н.Е. “Оппозиция “жизнь” – “житие” в романе Лескова “Соборяне” / Н.А. Каргополов, Н.Е. Меднис // Лит. древней Руси: сб. науч. трудов. – М., 1981. С. 139–148.

5. Кучерская, М.А. Лесков: Прозванный гений/ М.А. Кучерская. - М.: Автор, 2021. - 810с.

6. Лесков, А.Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памяткам. В 2-х т. Т.1. Ч. I-IV. – М.: Художественная литература, 1984. - 479с.

7. Лесков (Стебницкий), Н. Явление духа. Случай (Открытое письмо спириту)//Кругозор, 1878. №1. С.1-6.

8. Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 тт. – М., Государственное издательство художественной литературы, 1958. Том 10. 600с.

III. Научная литература по творчеству Лоренса Стерна:

9. Атарова, К.Н. Лоренс Стерн. Жизнь и творчество/ Ксения Атарова. - М.: Б.С.Г.-Пресс, 2014. - 416с.

10. Строганова, М.В. “Проповедь в творчестве английских писателей XVIII века: Джонатан Свифт, Лоренс Стерн, Сэмюэль Джонсон”:

диссертация... канд. филолог. н./ М.В. Строганова. - М., 2008. - 185с.

11. Хитров, А.В. Лоренс Стерн и британский ассоцианизм XVIII в./ А.В. Хитров// Российская Академия Наук. Вопросы философии. - М.: Наука, 2008. - №1. - С. 132-140.

12. Шкловский, Виктор. “Тристрам Шенди” Стерна и теория романа”. Стилистический комментарий. - М.: ИНТЕР-Пресс, 2000. - С. 799-839

13. Bassity C.B. Indeterminacy Winked at: Tristram Shandy, Evangelist of Ambiguity. – New Jersey, 1999. - 8с.

(Бассити С. “Подмигивающая неопределённость в “Тристраме Шенди”, миссионер двусмысленности”. – Нью Джерси, 1999)

14. Rogers, P. Ziggerzagger Shandy: Sterne and the aesthetics of the crooked line// English. - L., 1993. - Vol. 42, N 173. - P. 97-107.

IV. Интернет-ресурсы:

15. Калецкий, П.И. Лесков Николай Семёнович – Сайт Литературной энциклопедии [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://feb-web.ru/feb/litenc/encyclp/le6/le6-3121.htm> (дата обращения: 21.01.2022 г.).

16. Лесков, Николай - Сайт Википедии [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://en.wikipedia.org/wiki/Nikolai_Leskov (дата обращения: 21.01.2022 г.).

17. Северянин, И. На закате. - Сайт Викитеки [Электронный ресурс] – Режим доступа: [http://www.wikisource.org/wiki/На_закате_\(Северянин\)](http://www.wikisource.org/wiki/На_закате_(Северянин)) (дата обращения: 21.01.2022 г.).

18. Стерн, Лоренс – Сайт Википедии [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://en.wikipedia.org/wiki/Laurence_Sterne (дата обращения: 21.01.2022 г.).

THE ROLE OF EUPHEMISMS IN THE ENRICHING OF THE GERMAN AND THE ENGLISH VOCABULARIES

Yusifov Elkhan

*PhD, associate professor of Azerbaijan University of Languages
Baku*

Yusifova Kamala

*Senior teacher of Azerbaijan University of Languages
Baku*

РОЛЬ ЭВФЕМИЗМЫ В ОБОГАЩЕНИИ СЛОВАРНОГО СОСТАВА НЕМЕЦКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

Э.Г. Юсифов

К.Я. Юсифова

SUMMARY

Research indicate that euphemisms are not always used to beautify, but also to soften, alleviate, and sometimes to hide the essence of something. In order to increase, strengthen and sweeten the artistic effect of speech, the word artist creates a series of euphemisms in the choice of words, sometimes knowingly using softer, indirect, covert and well-intentioned expressions. In the German and the English languages, euphemisms are divided into 4 main groups according to the sources: religious euphemisms, socio-moral euphemisms, political euphemisms, socio-aesthetic euphemisms.